

С. В. Ильясова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

ORCID ID: — **E-mail:** Ilyasova_rnd@mail.ru.

Словообразовательная игра: от лингвокреативности до лингвоциничности (на материале языка современных российских СМИ)

АННОТАЦИЯ. В статье на репрезентативном материале прослежены основные черты словообразовательной игры (СИ) в языке российских СМИ начала XXI века. Результатом усиления личностного начала стало преобладание в текстах СМИ «затейливых» неодериватов, отражающих стремление автора поиграть с читателем. В то же время стремление к броскости находит выражение в появлении «вычурных» слов, которые мы считаем неудачным языковым экспериментом. Неоправданное использование экспрессивных средств для выражения оценочности оборачивается появлением слов эпатажных, противоречащих нормам морали и нравственности. Реализация потенциала словотворчества в узком понимании этого термина происходит с опорой на сложившиеся приемы словообразовательной игры: создание слова по конкретному образцу, контаминация, тмезис. Также наблюдается гибридикация как общий принцип создания неодериватов. Словообразовательные шутки, в которых юмор не осложнен оценкой, стали очень редким явлением в языке современных СМИ, то есть СИ направлены не на развлечение, а на оценку, как правило, на осмеяние, уничижение, СИ стала одним из ярких и эффективных способов выражения социальной оценочности. Для оценки используются разные пласты лексики, в том числе сниженная лексика, стилистически маркированные аффиксы, что зачастую приводит к проявлению речевой агрессии. Особую тревогу вызывает проявление лингвоцинизма — циничного обыгрывания запретных для осмеяния тем: памяти об историческом прошлом, о Великой Отечественной войне, гибели людей в мирное время.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: язык СМИ; СИ; средства массовой информации; журналистика; медиалингвистика; медиадикурс; медиатексты; российские СМИ; когнитивная лингвистика; словообразовательная игра; словотворчество; речевая агрессия; лингвоцинизм.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ильясова Светлана Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет; 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42; e-mail: Ilyasova_rnd@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ильясова, С. В. Словообразовательная игра: от лингвокреативности до лингвоциничности (на материале языка современных российских СМИ) / С. В. Ильясова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 39-45. — DOI 10.26170/pl20-03-03.

Словообразовательная игра (далее — СИ), исследованию которой на материале языка российских СМИ конца XX — начала XXI в. мы посвятили монографию [Ильясова 2002], за почти двадцатилетний период наблюдения за нею претерпела значительные изменения, которые позволяют говорить об **актуальности** исследования, проведенного на материале российской прессы начала XXI в. — газет «Комсомольская правда» (КП), «Аргументы и факты» (АиФ), «Наша версия» (НВ). Последняя относится к оппозиционному типу изданий, что позволяет журналистам проявлять большую свободу в выборе экспрессивных средств в выражении оценки.

Цель исследования — дать многоаспектный анализ СИ.

Для достижения поставленной цели были использованы метод лингвистического наблюдения, описательный метод с применением приемов сопоставления, обобщения и классификации.

Представим основные черты СИ.

Экспрессию новообразований связывают с усилением личностного начала: «Возрастание личностного начала проявляется в усилении игровой составляющей в текстах современных российских СМИ» [Рабиурская, Самыличева, Шумилова 2014: 185].

Для достижения экспрессивного эффекта в языке современных СМИ используется ряд игровых приемов: заменительная деривация, создание слова по конкретному образцу (в нашей терминологии «предсказамус-прием»), контаминация, «фокус-покус-прием», тмезис и др.

Вместе с тем само выделение и попытка систематизации перечисленных способов в неологии вовсе не означает, что все неодериваты могут быть с уверенностью типологизированы, определен прием их создания. Окказиональное словообразование тем и отличается от узуального, что новые слова «часто не имеют аналогов даже среди окка-

зионализмов» [Попова, Рацибурская, Гугунова 2005: 56], что, на наш взгляд, вовсе не означает некий хаос, царящий на поле окказиональности, а скорее свободу в реализации творческого начала, которое и является показателем лингвокреативности языка современных СМИ. Результатом усиления личностного начала стало преобладание в текстах СМИ *затейливых* неодериватов, отражающих стремление автора поиграть с читателем. В то же время следует заметить, что стремление к броскости находит выражение в появлении *вычурных слов*, которые мы считаем неудачным языковым экспериментом. Неоправданное использование экспрессивных средств для выражения оценочности оборачивается появлением слов *эпатажных*, противоречащих законам морали и нравственности.

Рассмотрим особенности неодериватов в предложенном порядке.

Продуктивным современным способом окказионального словообразования считается *заменительная деривация*. Действительно, сложные неодериваты, созданные путем замены одного из компонентов, очень распространены в языке современных СМИ, они «становятся экспрессивным средством выражения иронии, негативной оценки, служат для создания комического эффекта» [там же: 104], так как в них происходит замена исходного компонента на компонент с ингерентной или адгерентной коннотацией. Замена могут подвергаться финальные фрагменты слова, что рождает эффект обманутого ожидания, напр.: *Импортозавещание* (НВ, 2016, № 17); *Импортоизвращение* (НВ, 2017, № 9); *Налогоудушение* (НВ, 2018, № 18); *Здравозахоронение* (НВ, 2019, № 44). Объектом игры на снижение становятся ключевые слова текущего момента — *налогообложение, импортозамещение*.

Мощный экспрессивный эффект рождается и в том случае, если замене подвергается начальный фрагмент, а финальный легко распознается, соотнося неодериват с его «прародителем», напр.: *Нефтетатство* (НВ, 2019, № 15); *Вонепровод* (НВ, 2009, № 49); *Хлоропровод* (НВ, 2019, № 17).

В результате подобной замены могут появляться антонимы, напр.: *Доброумышленники* (АиФ, 2019, № 18-19). Этот пример нетипичен для языка современных СМИ с его подчеркнутой игрой на снижение.

Близким по механизму к заменительной деривации является прием создания неодеривата по конкретному образцу («предсказамус-прием» — термин наш). Неодериваты, «созданные по образцу отдельного слова типовой структуры, слова с уникальным аффиксом или с остаточной основой» [там же:

61], всегда экспрессивны, так как здесь тоже действует эффект обманутого ожидания, особенно при трансформации финальной части слова-прообраза, ср.: *Эрдогад* (НВ, 2015, № 7); *Индокидай* (НВ, 2018, № 40).

Подобная игра также направлена на выражение негативной оценки, ср.: *Кривономика* (АиФ, 2015, № 41), реже — шутки, напр.: *Кипланетянин* (КП, 10—17.04.2019).

В результате использования «предсказамус-приема» могут появляться антонимы, порой достаточно необычные, ср.: *Алло, мы ищем молперов* (Известия. 11.09.2015; слово-прообраз — *старперы*); *Старобранцы* (НВ, 2017, № 13).

На узнаваемость слова-прообраза «работают» следующие показатели:

1) уникальность копируемого фрагмента, напр.: *Соснобыль* (НВ, 2018, № 38); *Бравоспектива* (НВ, 2018, № 44); *Добро пожаловать в Зомбиленд* (АиФ, 2019, № 45);

2) присутствие слова-прообраза в минимальном контексте — в заголовке, напр.: *Переименуют ли казахов в назарбахов?* (АиФ, 2019, № 13); *От брексита до руксита* (НВ, 2019, № 140); *К брекситу добавится Mercum* (КП, 15—22.01.2020);

3) обыгрывание прецедентного феномена, напр.: *Мамаево Кокорище* (АиФ, 2018, № 42).

Полагаем, что актуализация (включение слова-прообраза в минимальный контекст) нужна журналисту для того, чтобы «подсказать» читателю, с каким словом соотносится новое, а вовсе не для того, чтобы подталкивать его к распознаванию приема СИ. Последнее интересно для лингвиста, но даже знание приемов СИ, как уже было отмечено, не всегда позволяет с уверенностью определить, какой механизм был использован при создании неодеривата. Так, предметом для дискуссии может стать такое новообразование: *Наспехтуция* (НВ, 2020, № 6). Какой прием использован при создании этого слова? Прием создания слова по конкретному образцу? В приведенном неодеривате явно усматривается фрагмент слова *конституция*, ставшего в настоящее время ключевым в связи с внесением поправок в Конституцию РФ. В то же время с полным правом можно усмотреть здесь и контаминацию — «объединение языковых единиц в одну на основе их равноправного участия в формировании звуковой оболочки и значения гибрида» [Гридина 1996: 17].

Рассмотрим такую пару неодериватов: *Пугаловирус* (НВ, 2020, № 11) и *Коровавирус* (АиФ, 2020, № 13). Казалось бы, оба они соотношены с ключевым словом текущего момента и, следовательно, созданы по его образцу, но в первом случае слово-прообраз

присутствует в расширенном контексте — подзаголовке, ср.: *Коронавирус поможет одним заработать, другим — набрать очки*. Во втором примере поводом для обыгрывания стало высказывание председателя партии «Яблоко» Н. Рыбакова, ср.: *Обвалить курс валюты, чтобы снизить рентабельность добычи сланцевой нефти в США, — это как „Пусть у меня корова сдохнет, лишь бы у соседа корова не отелилась“*. Журналисты еженедельника «АиФ» мгновенно отреагировали созданием броского заголовка.

Вместе с тем присутствие в контексте слова-аналога считается и «своеобразным признаком контаминации» [Намитокова 2015: 186], что можно увидеть в примере рождения антропонима: *Что за олигарх Деррибабкин?*

К. Бабкин, председатель совета ТПП: *Дерипаска одной ногой стоял на прозападной платформе, другой — на патриотической. И когда они начали разъезжаться, ему пришлось сесть на шпагат*.

Ред. АиФ: *Между прочим, какая говорящая фамилия получается из смешения этих двух видных бизнесменов — Деррибабкин* (АиФ, 2018, № 17).

Говорящая фамилия явно создана здесь способом контаминации.

Механизм образования других неогермативов может стать предметом для дискуссий, напр.: *Выход из нищетаемости* (АиФ, 2020, № 6); *Увековеркали* (НВ, 2018, № 41); *Банкрабство* (АиФ, 2018, № 43); *Удаленушка* (АиФ, 2020, № 13).

Т. А. Гридина использует для обозначения подобных новообразований термины *гибрид*, *гибридное образование*. А. П. Сковородников — словообразовательные контаминации, образованные способом *словообразовательного коллажа* [Сковородников 2003: 272].

Считаем терминологическое сочетание *словообразовательный коллаж* одновременно и выразительным, и точным, как нельзя лучше подходящим к оценке таких гибридов, как *наслехтуция* и др.

К словообразовательным контаминациям автор относит довольно широкий круг явлений: *междусловное наложение*, *словообразование по аналогии*, *внутрисловные вставки* [там же]. Последний вид словотворчества получил в лингвистике название *тмезиса* — «вторжение аффикса (или целого слова — чаще служебного) внутрь слова (обычно композита)» [Намитокова 2015: 192], что можно проиллюстрировать такими примерами: *Евронавидение* (КП, 24.03.2017); *ЕвроДВвидение* (АиФ, 2019, № 9); *Авианедоносец* (НВ, 2019, № 26); *Иноукропланетяне* (АиФ, 2018, № 51). Неогермативы

такого типа с полным правом можно охарактеризовать и как гибридные.

О палитре СИ свидетельствуют и единичные, но тем не менее очень яркие примеры «фокус-покус-приема» — «эхо-конструкций», которые в языке СМИ также нацелены на выражение социальной оценочности, ср.: *Тверская-Взрывская* (КП, 11.07.2003); *Марксизм-кризисизм* (Известия, 24.03.2010); *Грешники-ЕГЭшники* (АиФ-наДону, 2012, № 28). В известной монографии «Русская разговорная речь» дана характеристика как структурных, так и функциональных особенностей «приема экспрессивного рифмованного удвоения». Важным считаем замечание о том, что эхо-конструкции создаются не только в целях шутки, но и для выражения «пренебрежения к предмету речи» [Русская разговорная речь 1983: 193]. Вступая в дискуссию с авторами названной монографии о шутовском характере отзвучий, В. З. Санников замечает, что приведенный в монографии «материал говорит о том, что в абсолютном большинстве это конструкции *снижающие*» [Санников 1999: 168]. Для нашего исследования СИ особую значимость приобретает добавление утверждения о направленности снижения на «дискредитацию самих понятий» [Санников 1999: 168], что можно увидеть, напр., в конструкции *марксизм-кризисизм*.

Все приведенные примеры свидетельствуют о том, что языковая игра (и словообразовательная как самая представительная ее разновидность) в языке современных СМИ, по сути дела, перестала быть игрой в первоначальном смысле этого слова — чертой «непринужденного общения в интеллигентской среде» [Крысин 2003: 494].

Продолжая размышления на эту тему, заметим, что словообразовательные шутки в языке современных СМИ, в которых юмор не осложнен оценкой, стали очень редким явлением — шутку можно усмотреть, напр., в заголовке статьи о рождении квартета младенцев: *Четверняшки* (КП, 20—27.11.2019).

Да, весь разнообразный арсенал СИ, а также новые игры — игры с графикой и орфографией — направлены не на развлечение, а на оценку, СИ стала одним из ярких и эффективных способов выражения социальной оценочности.

Реализации этой функции СИ с успехом служат и выделенные Е. А. Земской в качестве особого способа порождения окказионализмов *каламбурные и паронимические «игры» со словом*. Это, например, слова, «рожденные в период перестройки: *прихватизация* и *прихватизатор*, *дерьмокрады* (ср. *дерьмократы*)...» [Земская 2007: 187].

В языке СМИ подобные игры направлены на осмеяние, на уничижение, так как происходит деформация узуального слова, а покушение на форму всегда сопряжено с оценкой содержания, ср.: *Неважные дела* (НВ, 2012, № 9 — о ВАЗе); *Врачские перспективы* (НВ, 2012, № 48 — об обеспеченности квартирами врачей); *Обтурили* (НВ, 2018, № 43 — о деятельности Ростуризма); *Школьное питание* (НВ, 2018, № 14 — о питании в школах); *Дронуться можно* (НВ, 2018, № 22 — о запрете дронов); *Думдом с ремонтом* (НВ, 2019, № 2 — о ремонте в Государственной думе); *Трудни* (НВ, 2017, № 11); *На грани катастрофы* (Коммерсантъ, 17.10.2019 — о взимании налога с кадастровой стоимости недвижимости).

Острота проблемы становится толчком к так называемому *лавинообразному словотворчеству*: *Погазуха* (НВ, 2012, 30); *Погазная решимость* (НВ, 2011, № 35); *Погазное хамство* (НВ, 2012, № 19); *Газачок* (НВ, 2019, № 24).

Создается впечатление, что в написании слова допущена ошибка, опечатка, это не трансформация слова с целью игры и оценки. Ассоциируясь с известным словом, новое в то же время представляет загадку, требующую решения с опорой на текст публикации. При отсутствии пояснений возникает опасность коммуникативной неудачи.

В погоне за броскостью авторы часто нарушают критерий понятности (ясности), что Д. В. Соловьева рассматривает как предпосылку для возникновения коммуникативного риска. В качестве примера она приводит новообразование *дронуться*, делая упрек журналисту в том, что он «не поясняет термин, мотивирующий неологизм, предполагая, что аудитории он известен» [Соловьева 2019 : 116].

Мощным способом привлечения внимания в языке российских СМИ служит сочетание разнообразных игр: СИ и графической игры (ГИ) *АвиаКОТастрофа* (НВ, 2019, № 44 — о том, что в самолет не пустили толстого кота); СИ, ГИ и игры с прецедентными феноменами, напр.: *ВАДская кухня* (КП, 18—25.12.2019).

В погоне за экспрессивизацией текста журналисты используют сниженную лексику, напр.: *Эпоха ожлобления* (АиФ, 2015, № 39); *Космодрын* (НВ, 2016, № 18 — о строительстве космодрома); *Трындеция, однако* (АиФ, 2016, № 22); *Поддыхский край* (АиФ, 2018, № 39 — вместо Приморский край). Такие заголовки, как *Правоохранительные органы* (АиФ, 2009, № 45), *Налогооблажение* (НВ, 2011, № 13), *Висякосный год* (НВ, 2014, № 25), стали привычными для языка российских СМИ.

В неодеривацию вовлекаются маркированные аффиксы, напр.: *Танкерня* (НВ, 2019, № 22). Весьма частотны на страницах СМИ новообразования на *-ец*. К уже упоминавшимся в наших работах (*рецессец, витаминЕц, бензец, хрустец, песнец, криздец, крымздец, крымец, трампец, наградец*) добавляются новые с подчеркнута негативным зарядом, напр.: *Дамбец* (НВ, 2019, № 25 — о наводнении в Тулуне); *Персец* (НВ, 2020, № 1 — о конфликте Ирана и США).

Использование маркированных аффиксов, сниженной лексики для создания новообразований оценочного характера является разновидностью *речевой агрессии*, под которой понимается «осуществляемое экспрессивными реч. средствами навязывание адресату определенной точки зрения на предмет речи» [Медиалингвистика в терминах и понятиях 2020: 45].

Особую тревогу, на наш взгляд, вызывает такое проявление речевой агрессии, когда на страницах СМИ появляются *лингвоцинизмы*, или *языковые цинизмы* — «слова, обороты речи и целые высказывания, в которых нашел отражение цинизм индивидуального или группового мышления, мировоззрения. В данном случае цинизм понимается как такое отношение к окружающему миру, которое вольно или невольно демонстрирует отсутствие ориентации на нормы нравственности, а часто и намеренное их нарушение» [Экология русского языка 2017: 124].

Результатом циничного отношения к науке стало такое новообразование, как *Бандидаты наук* (АиФ, 2013, № 11), к составлению армии — *Пидороты и гейбаты* (АиФ, 2014, № 38); к основному закону страны — *Наспехтуция* (НВ, 2020, № 5); к проблеме вымирания населения — *Российские вымираты* (НВ, 2019, № 25); к народу России — *Народ-блохоносец* (НВ, 2015, № 46).

Не остаются без внимания и события, происходящие за рубежом, ср.: *Нотр-дам-де-гори* (АиФ, 2019, № 17), *Уханьдохали* (НВ, 2020, № 5).

Трагедию с крушением лайнера в Ростове-на-Дону журналисты обозначили *УБОИНГ* (НВ, 2016, № 12), видимо, позабыв о том, что на жаргоне *убойный* означает «отличный, замечательный» и именно в этом значении имеет активное хождение в речи молодежи. Можно, конечно, увидеть здесь и контаминацию слов *убой* и *боинг*, но это также не делает чести создателю неодеривата, так как *убой* относится к животным и означает их умерщвление.

Не может оставить равнодушным и другой пример: *Мавзолей Генин* (АиФ, 2012, № 16). Так «удачно» журналисты ежене-

дельника пошутили вслед за В. Ф. Жириновским, предложившим после смерти Г. А. Зюганова похоронить его в Мавзолее и сделать надпись: «Ленин. Зюганов».

Как показывают результаты исследований, циничное отношение к сакральным темам получило распространение и в интернет-коммуникации: «Контент социальных сетей нацелен, как правило, на молодежную аудиторию. Лингвоцинизмы в нем функционируют в ситуациях, относящихся к темам, которые являются сакральными в русской культуре. Например, тема смерти» [Ляшева 2017: 109].

Никак не может оставить равнодушным такое циничное отношение к нашему прошлому, которое можно увидеть в появлении и тиражировании неодеривата *ленинопад*, ср.: *Но, несмотря на это, с мыслью снести памятники Ленину согласны лишь 14 % опрошенных, 79 % — против ленинопада* (КП, 21.04.2017). Модель на *-пад*, как мы уже отмечали, стала ключевой для нашего времени, ср.: *губернаторопад, мостопад, золотопад, самолетопад* и др. И, тем не менее, есть вечные ценности, которые не могут упасть, подобно курсу рубля.

К таким ценностям, без всякого сомнения, относится и победа в Великой Отечественной войне, поэтому очевиден цинизм новообразований в таких контекстах: *В оккупациях Сталинграда* (Известия, 30.09.2013); *День победы гей-оргиевская ленточка* (КП, 14.05.2013). И в том, и в другом случае журналисты, очевидно, хотели привлечь внимание к острым социальным проблемам необычными заголовками, но эффект получился прямо противоположный — ерничаение, стеб, совершенно недопустимые в отношении нашего прошлого. Видя подобные «эффектные» слова, хочется напомнить журналистам о том, что «идея консолидации социума является и *идея патриотизма*» [Клушина 2018: 106].

Мы полностью разделяем позицию тех исследователей, которые считают, что «при создании нового „эффектного“ слова журналист всегда должен знать меру и считаться не только с юридическими, но и с нравственными законами» [Радибурская, Самыличева, Шумилова 2014: 195].

Проведенный в статье анализ неодеривации в языке современных российских СМИ позволяет сделать следующие выводы.

1. Активное стремление к словотворчеству за счет реализации накопленного в современном русском языке опыта окказионального словообразования (приемы заместительной деривации, создания слова по конкретному образцу, контаминации, тмезиса, фо-

кус-покус-приема и др.) позволяет говорить об усилении лингвокреативности в языке современных российских СМИ.

2. Очевидно, что весь арсенал словотворчества, языковой игры направлен не на развлечение читателя, а на вовлечение его в оценку происходящих в стране процессов. Оценка, осуществляемая в игровой форме, завуалирована и в умелых руках более эффективна. Но использование сниженной лексики, маркированных аффиксов переводит ее в речевую агрессию, снижая тем самым роль творческого, собственно игрового начала.

3. Недопустимым считаем использование игровых способов и приемов для ерничаения, цинизма в отношении нравственных ценностей, веками складывавшихся в нашем обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская, Е. А. Игровое словообразование / Е. А. Земская. — Текст : непосредственный // Язык в движении: к 70-летию Л. П. Крыгина. — Москва : Языки славянской культуры, 2007. — С. 185—193.
2. Ильясова, С. В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ / С. В. Ильясова. — Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 2002. — 360 с. — Текст : непосредственный.
3. Клушина, Н. И. Медиастилистика : монография / Н. И. Клушина. — Москва : Флинта, 2018. — 184 с. — Текст : непосредственный.
4. Крысин, Л. П. Речевой портрет представителя интеллигенции / Л. П. Крысин. — Текст : непосредственный // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — С. 483—495.
5. Ляшева, М. Н. Лингвоцинизмы в современном интернет-дискурсе: функциональный аспект / М. Н. Ляшева. — Текст : непосредственный // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2017. — № 1. — С. 108—112.
6. Намитокова, Р. Ю. Авторские новообразования: структура и функционирование (на материале русской поэзии второй половины XX века) / Р. Ю. Намитокова. — Майкоп : Изд-во АГУ, 2015. — 359 с.
7. Попова, Т. В. Неология и неография современного русского языка : учеб. пособие / Т. В. Попова, Л. В. Радибурская, Д. В. Гугунава. — Москва : Флинта : Наука, 2005. — 168 с. — Текст : непосредственный.
8. Радибурская, Л. В. Новые тенденции в современном медийном словотворчестве / Л. В. Радибурская, Н. А. Самыличева, А. В. Шумилова. — Текст : непосредственный // Новые тенденции в русском языке начала XXI века : коллект. монография. — Москва : Флинта : Наука, 2014. — С. 134—221.
9. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. — Москва : Наука, 1983. — 239 с. — Текст : непосредственный.
10. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. — Москва : Языки русской культуры. — 544 с. — Текст : непосредственный.
11. Сковородников, А. П. Контаминация словообразовательная / А. П. Сковородников. — Текст : непосредственный // Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник. — Москва : Флинта : Наука, 2003. — С. 272—274.
12. Соловьева, Д. В. Медийные новообразования как фактор рискогенности текстов общественно-политической прессы начала XXI века : дис. ... канд. филол. наук / Соловьева Д. В. — Нижний Новгород, 2019. — 270 с. — Текст : непосредственный.
13. Экология русского языка : словарь лингвоэкологических терминов / авт.-сост. д-р филол. наук, проф. А. П. Сковородников. — Москва : Флинта : Наука, 2017. — 384 с. — Текст : непосредственный.

S. V. Ilyasova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

ORCID ID: —

E-mail: Ilyasova_rnd@mail.ru.

A Word Building Game: From Linguocreativity to Linguocynicism (On the Material of Modern Russian Mass Media)

ABSTRACT. *The article traces the main features of the word building game (WBG) in the language of the Russian mass media of the early 21st century in a representative corpus of examples. As a result of enhancement of the role of the journalist, mass media texts started to abound in “witty” derived neologisms reflecting the author’s desire to play with the reading audience. At the same time, the pursuit of originality finds expression in the emergence of “ostentatious” words which may be considered unsuccessful language experiment. Overindulgence in the use of expressive means, aimed to indicate evaluation, results in the emergence of provocative words contradicting the norms of morality and decency. The realization of the word building potential in the narrow sense of the term is accompanied by the use of the popular word building game technique: word formation according to a model, contamination, and tmesis. Hybridization is also used as a general principle of creation of derived neologisms. Word building jokes, in which humor is not complicated with evaluation, have become very rare in the language of the modern mass media, which means that the word building game is not oriented towards entertainment but focuses on evaluation, such as ridicule or humiliation, and has become one of the radical and efficient means of expressing social evaluation. Social evaluation is expressed by various vocabulary layers, and specifically low colloquial words and stylistically marked affixes, which often leads to the manifestation of verbal aggression. The emergence of linguocynicisms – cynical references to sacred themes: historical memory about the past, the Great Patriotic War, and death of people in the time of peace – is a matter of serious concern.*

KEYWORDS: *mass media language; mass media; journalism; media linguistics; media discourse; media texts; Russian mass media; cognitive linguistics; word building game; word creation; verbal aggression; linguocynicism.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Ilyasova Svetlana Vasil’evna, Doctor of Philology, Professor of Department of the Russian Language for Foreign Students, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.*

FOR CITATION: *Ilyasova, S. V. A Word Building Game: From Linguocreativity to Linguocynicism (On the Material of Modern Russian Mass Media) / S. V. Ilyasova // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 39-45. — DOI 10.26170/pl20-03-03.*

REFERENCES

1. Zemskaya, E. A. Play Derivation / E. A. Zemskaya. — Text : unmediated // Language in Motion: on the 70th Anniversary of L. P. Krysin. — Moscow : Languages of Slavic Culture, 2007. — P. 185—193. [Igrovoe slovoobrazovanie / E. A. Zemskaya. — Tekst : neposredstvennyy // Yazyk v dvizhenii: k 70-letiyu L. P. Krysin. — Moskva : Yazyki slavyanskoy kul’tury, 2007. — S. 185—193]. — (In Rus.)
2. Ilyasova, S. V. Word-building Play as a Phenomenon of the Language of Modern Media / S. V. Ilyasova. — Rostov-on-Don : Publishing house of Rost. University, 2002. — 360 p. — Text : unmediated. [Slovoobrazovatel’naya igra kak fenomen yazyka sovremennykh SMI / S. V. Ilyasova. — Rostov-na-Donu : Izd-vo Rost. un-ta, 2002. — 360 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
3. Klushina, N. I. Media History : monograph / N. I. Klushina. — Moscow : Flinta, 2018. — 184 p. — Text : unmediated. [Medias-tilistika : monografiya / N. I. Klushina. — Moskva : Flinta, 2018. — 184 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
4. Krysin, L. P. Speech Portrait of a Representative of the Intelligentsia / L. P. Krysin. — Text : unmediated // Modern Russian Language: Social and Functional Differentiation. — Moscow : Languages of Slavic Culture, 2003. — P. 483—495. [Rechevoy portret predstavatelya intelligentsii / L. P. Krysin. — Tekst : neposredstvennyy // Sovremennyy russkiy yazyk: sotsial’naya i funktsional’naya differentsiatsiya. — Moskva : Yazyki slavyanskoy kul’tury, 2003. — S. 483—495]. — (In Rus.)
5. Lyasheva, M. N. Linguocinisms in the Modern Internet Discourse: Functional Aspect / M. N. Lyasheva. — Text : unmediated // Bulletin of the Southern Federal University. Philological Sciences. — 2017. — No. 1. — P. 108—112. [Lingvotsinizmy v sovremennom internet-diskurse: funktsional’nyy aspekt / M. N. Lyasheva. — Tekst : neposredstvennyy // Izvestiya Yuzhnogo federal’nogo universiteta. Filologicheskie nauki. — 2017. — № 1. — S. 108—112]. — (In Rus.)
6. Namitokova, R. Yu. Authors’ Neologisms: Structure and Functioning (based on Russian poetry of the second half of the 20th century) / R. Yu. Namitokova. — Maykop : ASU Publishing House, 2015. — 359 p. [Avtorskie novoobrazovaniya: struktura i funktsionirovanie (na materiale russkoy poezii vtoroy poloviny KhKh veka) / R. Yu. Namitokova. — Maykop : Izd-vo AGU, 2015. — 359 s.]. — (In Rus.)
7. Popova, T. V. Neology and Neography of the Modern Russian Language: teaching aid / T. V. Popova, L. V. Ratsiburskaya, D. V. Gugunava. — Moscow : Flinta : Nauka, 2005. — 168 p. — Text : unmediated. [Neologiya i neografiya sovremennogo russkogo yazyka : ucheb. posobie / T. V. Popova, L. V. Ratsiburskaya, D. V. Gugunava. — Moskva : Flinta : Nauka, 2005. — 168 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
8. Ratsiburskaya, L. V. New Trends in Modern Media Writing / L. V. Ratsiburskaya, N. A. Samylicheva, A. V. Shumilova. — Text : unmediated // New Trends in Russian at the Beginning of the 21st Century : collective monograph. — Moscow : Flinta : Science, 2014. — P. 134—221. [Novye tendentsii v sovremennom mediynom slovotvorchestve / L. V. Ratsiburskaya, N. A. Samylicheva, A. V. Shumilova. — Tekst : neposredstvennyy // Novye tendentsii v russkom yazyke nachala XXI veka : kollekt. monografiya. — Moskva : Flinta : Nauka, 2014. — S. 134—221]. — (In Rus.)
9. Russian Colloquial Speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture. — Moscow : Science, 1983. — 239 p. — Text : unmediated. [Russkaya razgovornaya rech’. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest. — Moskva : Nauka, 1983. — 239 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
10. Sannikov, V. Z. Russian Language in the Mirror of a Language Game / V. Z. Sannikov. — Moscow : Languages of Russian Culture. — 544 p. — Text : unmediated. [Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry / V. Z. Sannikov. — Moskva : Yazyki russkoy kul’tury. — 544 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
11. Skovorodnikov, A. P. Word-building Contamination / A. P. Skovorodnikov. — Text : unmediated // Culture of Russian speech: encyclopedic dictionary-reference book. — Moscow : Flinta : Science, 2003. — P. 272—274. [Kontaminatsiya slovoobrazo-

vatel'naya / A. P. Skovorodnikov. — Tekst : neposredstvennyy // Kul'tura russkoy rechi : entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik. — Moskva : Flinta : Nauka, 2003. — S. 272—274]. — (In Rus.)

12. Solov'eva, D. V. Media Neoplasms as a Risk Factor of Texts of the Socio-political Press of the Beginning of the XXI Century : thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Solovieva D. V. — Nizhny Novgorod, 2019. — 270 p. — Text : unmediated. [Mediynye no-voobrazovaniya kak faktor riskogenosti tekstov obshchestvenno-politicheskoy pressy nachala XXI veka : dis. ... kand. filol. nauk /

Solov'eva D. V. — Nizhny Novgorod, 2019. — 270 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

13. Ecology of the Russian Language: a Dictionary of Linguo-environmental Terms / ed. Dr. of Philol. Sciences, Prof. A. P. Skovorodnikov. — Moscow : Flinta : Science, 2017. — 384 p. — Text : unmediated. [Ekologiya russkogo yazyka : slovar' lingvoekologicheskikh terminov / avt.-sost. d-r filol. nauk, prof. A. P. Skovorodnikov. — Moskva : Flinta : Nauka, 2017. — 384 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)